

МАРИНА ТУРЕЦКАЯ

В. Турецкий.

КАЖДЫЙ
ЧЕЛОВЕК
НЕПОВТОРИМ

КНИГА ОБ ОТЦЕ

Эта книга о незаурядном художнике, чья творческая жизнь трагически оборвалась в неполных тридцать два года. Он ушел добровольцем на фронт в Великую Отечественную войну и погиб в 1942 году. Но остались его работы, осталась память: ведь каждый человек неповторим.

*«Стень да стень кругом,
Путь далек лежит,
В той стени глухой
Умирал ямицик.»*

Любимая русская народная песня
Валерьяна Турецкого

АВТОПОРТРЕТ
50x40 х.м. 1940 г.

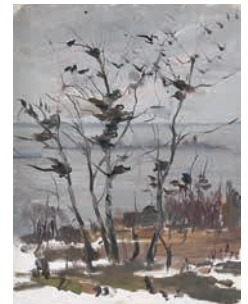
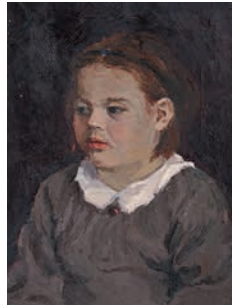
МАРИНА ТУРЕЦКАЯ

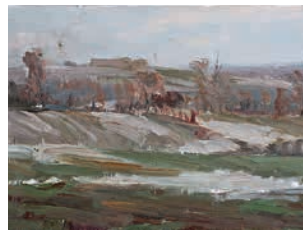
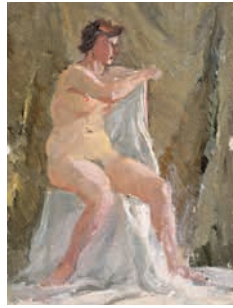
В. Турецкий.

КАЖДЫЙ
ЧЕЛОВЕК
НЕПОВТОРИМ

КНИГА ОБ ОТЦЕ

Москва
БОСЛЕН

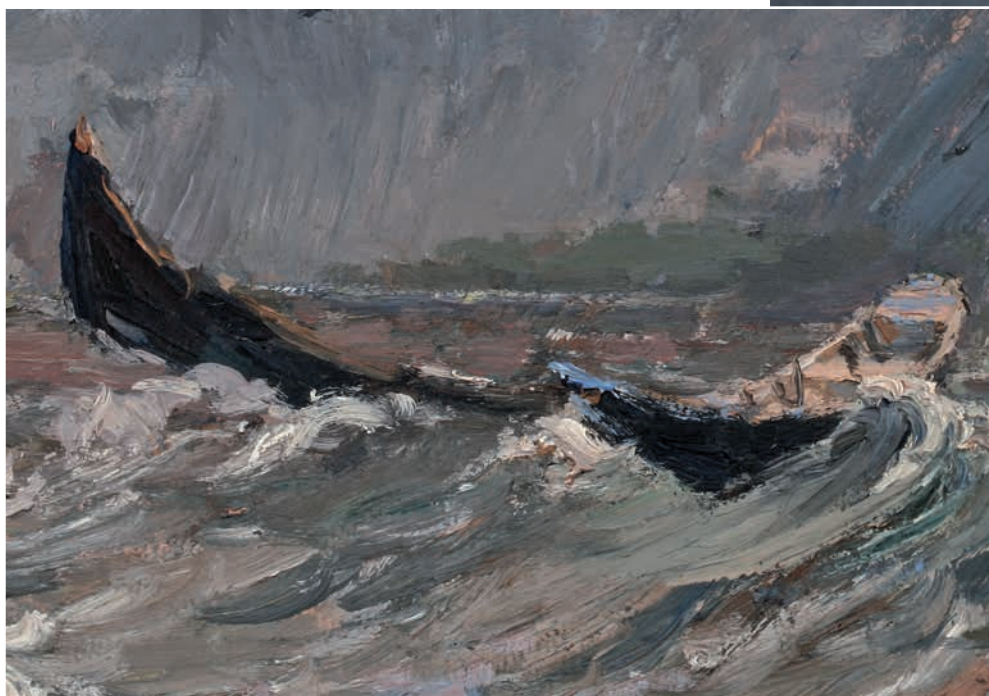

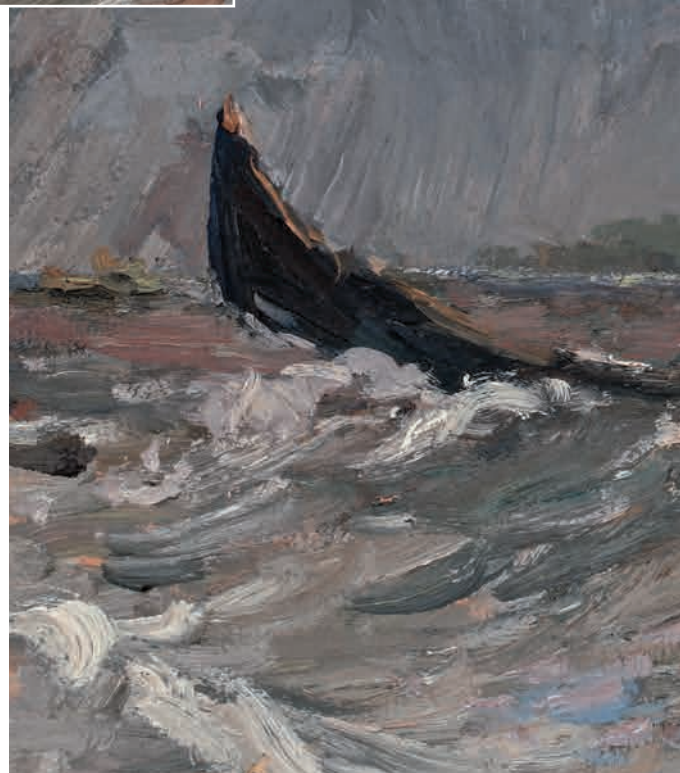
КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕПОВТОРИМ

Эта книга складывалась непросто. Жил человек, писал картины, пошел на войну, погиб. Вся его биография уместилась в недолгие 32 года. Прошли многие десятилетия — куда больше, чем вся его жизнь. И что осталось? Чуть-чуть документов в архивах, несколько картин, этюды. Осталась я, дочь Марина Турецкая, тоже художник. Осталась моя память о нем, о его времени, о людях, о том, что было после него: оценки друзей, учителей в искусстве, воспоминания близких. Все это зыбко, и я посчитала необходимым зафиксировать личную историю, оставить как свидетельство о времени и о необычайно талантливой личности отца. Почему это необходимо? Потому что, каждый человек неповторим, но при всей уникальности есть также и повторимость: есть выводы и уроки, есть ответы на некоторые вопросы дня нынешнего.

Иногда мы беремся судить о минувшем и о его людях, их мыслях и чувствах с сегодняшних позиций, пытаемся приписать им, ушедшим, наши теперешние суждения и ценности. И оказывается, что Валерьян Турецкий жил в жуткое время, когда не было свободного рынка, свободы творчества. Вместо либеральной демократии были сплошные мерзости тоталитаризма. А он, как многие, жил,

Эскиз к картине
«БУРЯ НА ВОЛГЕ»
35x48 х.м. 1940 г.

ЗИМНИЙ ОБРАГ
22х33 х.м. 1941 г.

радовался жизни (как он мог в такой обстановке?!), любил Россию, наш серенький колорит, творил и в тяжелый для страны момент оказался готовым сделать единственно возможный для себя выбор.

Почему художник Турецкий в самый трагический и опасный момент начала Великой Отечественной войны, в период поражений и отступления, ушел на фронт? Ушел добровольцем, хотя имел освобождение как художник (бронь — так это называлось), ушел, когда многие его коллеги воспользовались правом уехать в эвакуацию и продолжать заниматься искусством? Ушел, оставив любимую жену и маленькую дочь? Ушел после триумфального успеха его работ на предвоенной Всероссийской выставке молодых художников?

Нет ни письменных, ни устных свидетельств, но ответ на этот вопрос можно найти в творчестве Турецкого, в его картинах. Они очень русские — вы можете в этом убедиться. Столько копий сломали телевизионные витии в спорах о том, что такое патриотизм, хорошо это или плохо. Художник Турецкий дал свой ответ. Однозначный.

Семья отца

Семья родом из города Грязи. Дед мой, Григорий Игнатьевич Турецкий, до революции 1917 года носил фамилию «Турецких». Фамилия, по семейной легенде, происходила от полоненной донскими казаками турчанки в одной из многочисленных русско-турецких войн. И только после революции дед поменял фамилию на «Турецкий», так как он был железнодорожным служащим и было удобнее, чтобы в официальных документах фамилия склонялась, иначе могли возникать недоразумения. Всю жизнь он проработал на станции Грязи, в годы Великой Отечественной войны был начальником вокзала.

ПОСЛЕДНИЕ ЛЬДИНКИ
21x31 х.м. 1941 г.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ
23х33,5 к.м. 1941 г.

ПОЛЫНЯ
23,5x33 к.м. 1941 г.

Это через Грязи шли составы с солдатами и оружием к Воронежу, захваченному немцами. Дедушка был дважды контужен, но до конца войны оставался в строю. Бабушка, урожденная Подрезова Надежда Ильинична, никогда официально не работала. Она вела дом. Хозяйство было большое.

Валерьян Григорьевич Турецкий родился в 1909 году и был вторым ребенком в семье.

Об истоках

Дед был лучшим в своем городе мужским портным — это увлечение. Он так чувствовал крой! Но шил только очень близким людям и в исключительных случаях. Как передалась отцу любовь к пластику, может быть, гены?

Отец с детства рисовал — очень любил. По рассказам, в пятнадцать лет он убежал из дома и пошел учиться на художника.

О влияниях, о характере

Отец очень серьезно относился к мастерству. И научился. В его волжском цикле нет традиционализма. Посмотрите, какая линия от Гойи в его портрете бабушки — это влияние западного искусства.

Турецкий был очень самобытен. Никогда не распыхлялся, был очень собран. Шел по прямой. Много наблюдал, в компаниях, по воспоминаниям, стоял немного в стороне, не включался, но обо всем имел свое мнение. Остро воспринимал все, о чем говорят, следя за выражениями лиц (согласие или отрицание), и потом делал выводы, записывал все в дневник, который, к сожалению, утерян. Но я точно знаю, что он его вел... И в моем

ЗИМНИЙ ДЕНЬ
22,5x31,5 х.м. 1941 г.

характере есть эта черта: до всего дойти самостоятельно, не обезьянничать, не поддаваться чужим влияниям.

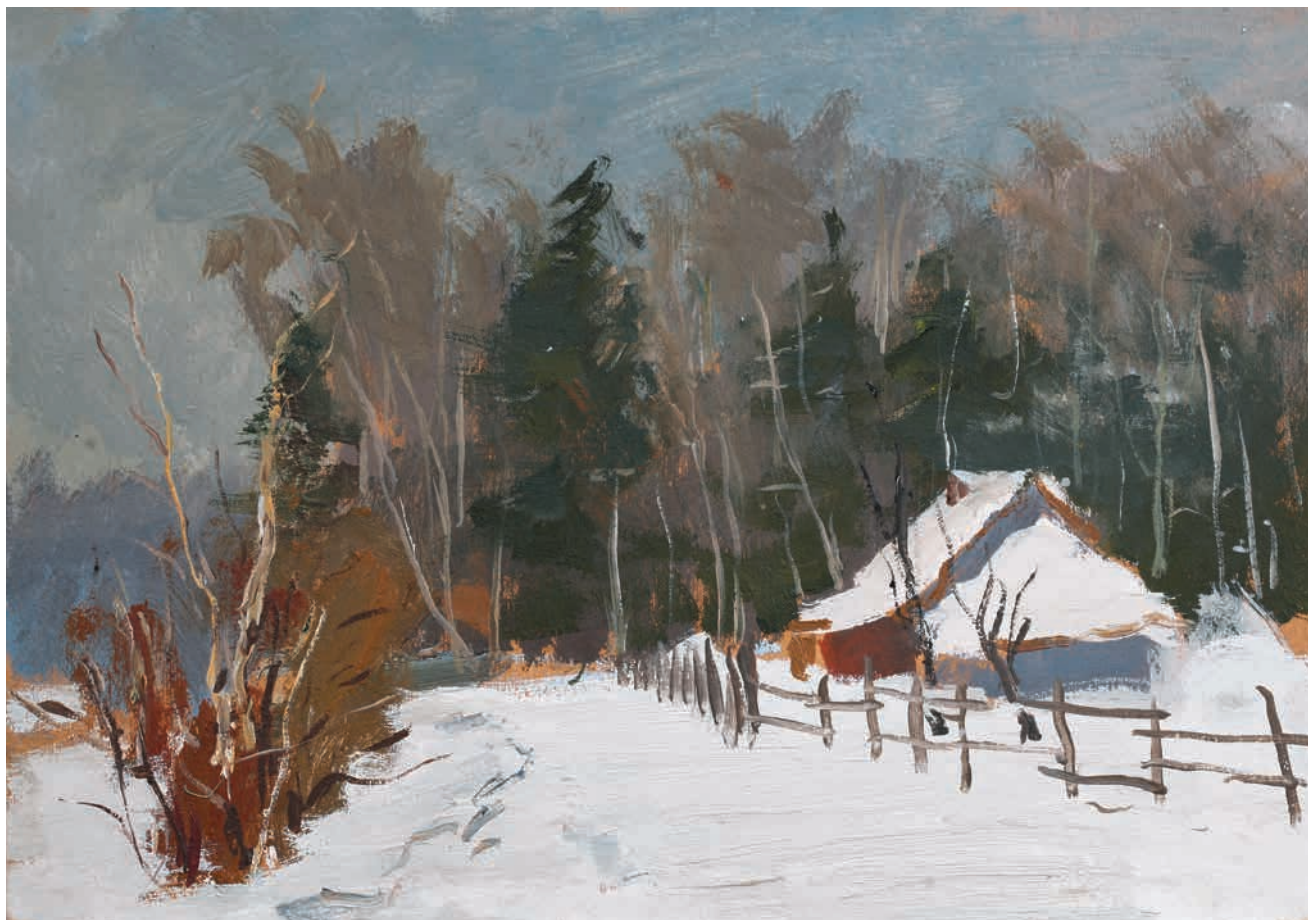
У него был учитель — Петр Саввич Уткин, но в то же время очевидных влияний не было. Рассматривая работы Уткина, я вижу близость его палитры и палитры отца. Гармония цвета, свойственная Уткину, была и в работах Турецкого. Помню, как на МОСХовской выставке погибших художников многие обращали внимание на богатство оттенков серого в отцовских работах. Эти серые были у него от природы, он умел видеть и передавать их необычные нюансы.

Турецкого, бывало, называли молодым Левитаном. Везде видны в его работах поиски настоящей России. Глубинный был художник. Романтик. Неразрывная связь с природой — она для него была живой: деревья, небо, река — скорее языческий взгляд. По убеждениям был атеистом.

Всё говорит о том, что он был романтиком, отсюда понятна оценка Павла Варфоломеевича Кузнецова, художника удивительного: «Твой папа был очень талантлив», — сказал он мне, когда на одной из его выставок мы с мамой подошли к нему. А уж кто знал толк в романтике, если не Кузнецов?

Об отношении Турецкого к искусству

Если бы его спросили, что главное в его жизни, он бы ответил: искусство. Искусство всегда было святым, не было профанации. Даже если он брал заказ, то писал, что ему было дорогим. Темы были его — это не заказное. Такова была и мать. Главными был пейзаж, жанр. Тяги к декоративности у него не было, очень реалистичен, академичен — особенно это видно в портрете. Он общался с натурой, а она конкретна. Два портрета 1939 года — не

ДОМИК В ЛЕСУ
23х32 х.м. 1941 г.

В КРЫМУ. СУДАК
24x32,5 х.м. 1939 г.

НОЧНОЕ
20x31 х.м. 1940 г.

ученические работы. Он уверенно решает психологические задачи, и решает их сугубо живописным средством, без каких-либо подпорок: символичности, условности. При всей сдержанности палитры нет никакого нарочитого лаконизма — есть стиль. Индивидуальность проявляется в колористической тонкости, переходах цвета. Стиль в искусстве — это нечто узнаваемое, индивидуальное. Стиль Турецкого — это проявление гармонии, внутренняя цельность, отсутствие противоречий.

Отец и книги

Кроме живописи, моего отца интересовали книги. Он систематически занимался самообразованием, изучал историю искусства, собирал библиотеку. Доставал уникальные издания. Все, что зарабатывал, тратил на книги. Мама рассказывала про шесть больших шкафов по пять полок, полностью заполненных книгами. Один такой шкаф случайно сохранился в подвале нашего дома, так как нашу квартиру занял генерал, пока мы были в эвакуации, а мебель и вещи растащили. В найденном шкафу сохранилось несколько книг, они помогли нам выжить в те страшные сорок третий — сорок четвертый (мама продавала их), когда мы вернулись из эвакуации. Среди них помню многотомную всемирную историю искусства XVIII–XIX вв. А отцовский шкаф до сих пор живет у меня в мастерской, радуя меня и храня память об отце.

Саратов. Школа

Крепкому профессионализму Турецкий обязан Школе, в первую очередь знаменитой Боголюбовке, куда он поступил осенью 1925 года пятнадцати лет от роду.

ЗИМКА. ОКОЛИЦА
23x32 х.м. 1941 г.

ПРОРУБЬ
23x31 к.м. 1941 г.

Боголюбовское рисовальное училище — одно из старейших учебных заведений России (открыто в 1897 году, теперь — Саратовское художественное училище им. А.П. Боголюбова). За время своего существования оно не раз меняло название, но неизменно сохраняло верность академическим традициям в изобразительном искусстве.

Среди педагогов Турецкого называют П. Уткина, В. Юстицкого, Е. Егорова, А. Сапожникова — всё звездные имена. И это не случайно: знаменитая «Саратовская школа», основы которой были заложены В. Борисовым-Мусатовым, Павлом Кузнецовым, Петром Уткиным, Александром Матвеевым, стала заметным явлением в отечественной культуре.

Выставка «Алая роза», устроенная в 1904 году в Саратове, стала событием, открывшим серию выставок картин, которые переворачивали привычные представления массового зрителя об изобразительном искусстве. И потом, практически всю первую треть века, школа продолжала выпускать художников, картины которых украшают многие российские музеи, и в первую очередь, конечно, Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева, кстати, первый провинциальный общедоступный музей в России. Учитывая глубокие культурные традиции города, становится понятным, почему Боголюбовка стала одной из лучших художественных школ страны и какого уровня профессиональную подготовку в то время мог получить в ней Валерьян Турецкий.

Вот как описывает студентов Боголюбовки того времени Александр Чечнев, один из них: «Очень разные по возрасту, по наружности, по образованию: крестьянские парни (от сохи), бывшие красноармейцы, бывшие иконописцы, каждый по-своему воспринимал трудную науку, серьезно, терпеливо и дотошно. Халтурить, т.е. для прокорма подрабатывать искусством, считалось

ОБЛАКА
20x28,5 х.м. 1940 г.

позорным делом. Многие жили в общежитии очень бедно, питались калачом и кипятком с сахаром, одевались кое-как: большинство в солдатских обносках, перешитых шинелях, австрийских солдатских ботинках, а кое-кто ходил и боссяком. Но достоинство соблюдали, за нарядами не гнались, наоборот, гордились тем, что, несмотря на все это, они все-таки художники».

В 20-е годы прошлого века в художественной жизни были заметны противоречия между различными направлениями, отражавшими воззрения их представителей на характер, задачи и перспективы художественного творчества. Они в полной мере проявлялись и в Боголюбовке.

Петр Уткин, учитель Турецкого, тяготел к традиционной программе образования, не идентичной старой академической рутине, но нацеленной на овладение студентами основами мастерства. Авторитет Уткина много способствовал сохранению высокого творческого уровня преподавания в Саратовском училище. Он руководил мастерской декоративной живописи: оформление театральных спектаклей, монументально-декоративное искусство, различные стили орнамента — именно эту специализацию избрал для себя Турецкий на четвертом курсе обучения в 1929 году.

В это время государство активно вмешивается в художественную жизнь, поддерживая консервативную линию в культуре, что проявилось, в частности, в изъятии из оборота, а в ряде случаев даже уничтожении произведений искусства русского авангарда, позднее признанного беспрецедентным вкладом России в мировую художественную культуру.

Изменения происходят и в сфере художественного образования, в том числе в Саратове. Н.Н. Манжос, историк Саратовского художественного училища, пишет

НА ОПУШКЕ
22x32 х.м. 1941 г.

ЖИГУЛИ
23х32,5 х.м. 1940 г.

о наступившем развале учебной работы в Боголюбовке: «Вместо мастерских было создано два отделения: клубно-инструкторское и изо-педагогическое. Эти существенные изменения основ обучения протекали в исключительно острой форме и закончились тем, что Саратов покинули такие замечательные и любимые учащимися преподаватели, как Уткин, Сапожников, Ивановский, что было большой и непоправимой потерей для техникума и Саратова». Ушли также В. Юстицкий, К. Поляков, Б. Зенкевич, Е. Егоров. Техникум стали покидать и студенты, среди них — Валерьян Турецкий.

Сохранился документ, заявление двадцатилетнего Турецкого: «Реорганизация застала меня на IV курсе, когда я готовился кончать по декоративному отделению. Возможности окончить не оказалось. Решил войти в новую учебную жизнь, но оказалось, что за два месяца учебы программа свертывается: по живописи сократили до двух часов, а по рисунку до одного часа. Возможности получить знания и закрепить мастерство, полученное за те годы, при сложившемся положении нельзя. А потому я покидаю техникум и прошу выдать удостоверение об окончании трех курсов».

В просьбе Турецкому было отказано, но и окончить образование строптивому студенту не дали. В 30-м году Турецкий решает ехать в Москву.

В Москве. Семья художника

Обустройство жизни в столице требовало средств, и Турецкий стал оформлять парады. Мама и папа познакомились в Москве. Она была уже художником, оформлявшим парады — их в ту пору было много: военные, физкультурные. Отец искал работу, она его взяла оформителем-помощником.

ОБЛАКА
20x28 х.м. 1940 г.

Вера Андреевна Орехова, ставшая в том же 1930 году женой Валерьяна Турецкого, училась в знаменитом ВХУТЕМАСе у Сергея Герасимова и Петра Кончаловского. Сама очень одаренный художник — ей довелось оформлять спектакли В.И. Немировича-Данченко, С.М. Михоэлса, — В. Орехова создала своему талантливому мужу все необходимые условия для творчества. Мать зарабатывала деньги, чтобы отец мог работать, писать картины. В 1934 году родилась я.

Дед, мамин отец, из семьи муромских иконописцев, владел шестью языками. Бабка — полугречанка-полуйтальянка, родилась в Афинах. Окончила женские курсы, что не так уж редко для девушек из разночинных семей, не чуждых народническим идеям. Но лучшей ее подругой была княжна Урусова (помню, как она жила у нас уже после войны, вернувшись из лагерей, где провела 18 лет). Понятно, почему к завтраку у нас выходили одетыми, стол был всегда сервирован, даже когда и есть-то было нечего.

Мама была способна взорваться каждую минуту разговора и... начинался крик. Я помню крик до войны, во время ее и после возвращения из эвакуации. Крик был долгий, казалось бы аргументированный, но всегда — очень тяжелый и застревающий в собеседнике. В один из таких вечеров, я помню, отец слушал-слушал, все молча, потом подошел ко мне (я уже была в кровати, но в той же комнате), завернул меня в одеяло, взвалил на плечо и, не говоря ни слова, понес к себе в мастерскую. Там мы с ним ночевали. Утром пришли мама и Фрося (моя няня) — меня водворили домой.

Вот в такую обстановку попал провинциальный парень, женившийся на московской барышне. Они, мама и папа, были очень разными. И живопись их очень разная. Мать была, безусловно, европейкой — неудивительно,

ОСЕННИЕ ДЕРЕВЬЯ
23x31 к.м. 1940 г.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ
24,5x31 к.м. 1941 г.

что ее исключали из МОСХа за формализм. Но многое их объединяло, прежде всего отношение к искусству. Быт никогда не был главным в жизни. Они не были обывателями. Современные художественные события не могли не обсуждаться.

«Масловка»

Так называют городок художников — уникальное место в Москве, где и по сию пору еще живут их дети и внуки. Теперь это объект культурного наследия. А тогда, в 1930 году, на месте сгоревшей кинофабрики Ханжонкова начали строить первые дома для художников. Это был целый проект, у истоков которого стояли Горький и Грабарь. В Москве есть несколько таких городков, комплексов или поселков. Среди них знаменитый Дом на набережной — для членов правительства, есть поселок полярников в Лианозово, космонавтов на ВДНХ. Всего на Масловке построили пять больших кирпичных дома. Вначале в этом районе Москвы была обширная деревянная застройка. И художники начали обживать место. В одном из деревянных домов (дом номер 14 по Верхней Масловке) мать с отцом купили комнату на первом этаже.

В 1932 году образовался Союз художников, членами которого сразу стали Орехова и Турецкий. «Масловка» продолжала строиться. Сегодня с ней у каждого из художников что-то связано. Дом номер один по Верхней Масловке — единственный в Москве дом для художников (если не считать студию военных художников, построенную Министерством обороны уже в 70-х годах), где нет жилья — только мастерские.

Кто из художников жил на «Масловке»? Одно только перечисление известных имен говорит само за себя:

У ПРУДА
23,5x35,5 х.м. 1940 г.

Пластов, Бродская, Пименов, Грабарь, Штеренберг, Нисский, Ромадин, Татлин, Зеленские и многие другие; можно долго перечислять. Все со всеми были знакомы, а мы, дети, ходили в детский сад, который был специально здесь построен, как и клуб. В этом клубе, в кружках, многие начали свою карьеру художника.

После войны, когда опять все собрались на Масловке, мне часто говорили художники: «Какой замечательный был у тебя отец: сосредоточенный, сдержанный, прекрасный товарищ», — и проходили мимо, получали новые квартиры, заняли мастерскую отца (не передали ее маме). А мы с мамой долгое время «оставались на улице» (наше жилье занял генерал) — у друзей, которые нас приютили, такие замечательные, скромные художники А. Рублева и А. Зеленский, пока нам наконец не дали комнату в коммуналке (девять квадратных метров). И только в 1964 году в башне, дом номер девять (теперь номер пять), на той же Масловке получили однокомнатную квартиру. А перед этим, в 1953 году, был построен дом номер три, куда переселилась вся «элита».

Счастливые дни

Бывали счастливые дни: отец не уходил с утра в мастерскую, оставался дома. Я уже знала — сегодня меня ждет что-то очень хорошее и увлекательное. Так оно и происходит. Добрые, мягкие руки поднимают меня и сажают к себе на плечи (и я сразу же окунаюсь в мягкий шелк волос) — это мы с отцом идем смотреть футбол на стадион «Динамо». Идти совсем недалеко, ведь мы живем на Масловке. К нам няня привозит моего кузена Андрея, который всегда ходит с нами. Отец был страстным болельщиком футбола и матчи почти никогда не пропускал (матчей до войны было значительно меньше,

ЭТЮД С ЖЕРЕБЕНКОМ
23x30 х.м. 1940 г.

но вся Москва «упрямо едет прямо на “Динамо”»). С тех пор я всегда «болею», чаще у телевизора, хотя и не знаю — за какую команду.

Выставки. Волжский цикл

В Москве Турецкий продолжал заниматься живописью, показывая свои работы на различных выставках. К тому времени у него уже имелся опыт участия и в нескольких саратовских экспозициях. Первая персональная выставка Валерьяна Турецкого состоялась в 1938 году в Клубе художников, что, безусловно, отразило уровень признания его творчества в профессиональной среде.

Волжский цикл этюдов — результат последней поездки Турецкого на Волгу, в любимые места, питавшие его творчество. Результатом стало участие в выставке 1941 года — последней в его жизни. Есть отзывы критиков. Он был замечен и отмечен. Это был, несомненно, успех.

Война, бомбежки

Конец июля, начало августа 1941 года. Немец бомбит Москву. Мы с мамой и няней Фросей вернулись из Крыма. Папа вернулся из Жигулей на Волге. Несколько дней мы, мама, Фрося и я, ходим в метро во время бомбежки. Я помню, как мама несет детский стеганый матрас для меня, а Фрося ведет меня за руку и несет довольно объемный баул. По рассказам, отец во время бомбежек тушил зажигалки, которых было видимо-невидимо. Мы ждали бумаги — направления в эвакуацию.

Через несколько дней (бомбежки продолжались) отец решил отвезти нас в Быково на дачу. Поехали.

ЭТЮД С ОБЛАКАМИ
20x28 х.м. 1940 г.

ЭТЮД С ЛОШАДЬЮ
23x30 х.м. 1940 г.

ПАСМУРНО
22x27 к.м. 1940 г.

Электричку ждали долго, но к вечеру до дачи добрались. Папа решил остаться с нами ночевать, и это стало нашим спасением: была первая ночь, когда удалось не допустить немецкую авиацию в Москву, и самолеты начали сбрасывать бомбы в Подмоскowie, в первую очередь в Быково, так как там аэродром. Мы попали в полосу огня. Меня разбудили и посадили на открытой поляне дачного участка. Мама и Фрося попеременно находились рядом, попеременно помогали отцу. Он тушил зажигалки, которые падали на участок одна за другой. Их тогда упало 13 штук. Папа потушил их все: какую засыпал песком, не дав разгореться, какую — утопив в воде. А вокруг полыхал лес, горели дачи, но мне рядом с отцом не было страшно. Утром на нашей просеке нашли большой неразорвавшийся фугас. Мы собрали вещи и в тот же день вернулись в Москву.

Кому-то в жизни достается очень мало! Но что касается меня — моя мама сумела сделать то, что велел ей отец, стоя на платформе. Я запомнила его фразу на всю жизнь. Он сказал: «Верка, сделай из Маринки человека!» — подпрыгнул и поцеловал нас в окне уходящего поезда. Так мы уехали в эвакуацию, которая продлилась два с лишним года, с августа 1941 года по ноябрь 1943 года.

Вскоре, после нашего отъезда, отец ушел на войну. Было это так. На «Масловку» приехал грузовик. Нужны были люди срочно защищать подступы к Москве. Военных не хватало. Отец был в мастерской, работал. Решение было принято мгновенно, как он это умел делать. Многие тогда добровольно пошли в ополчение, среди них и папа. Позже мы получили от него письмо, где он писал, что не успел даже запереть квартиру — топился на фронт.

НА БЕРЕГУ
22,5x31,5 х.м. 1940 г.

ВОЛЖСКИЙ ЭТЮД
23x30 х.м. 1940 г.

Завершение рассказа

В 1942 году пришла похоронка: отец погиб под Смоленском 13 апреля 1942 года.

Кто знает, не погибни отец на фронте, он, возможно, остался бы в искусстве традиционным классиком, и у нас с ним существовала бы обычная проблема отцов и детей, столь характерная для различных поколений России. А сейчас у меня остаются только чувство обожания моего отца и преклонение перед его не раскрывшимся в полной мере талантом.

Текст записал А.А. Паутов.

Вильям Мейланд,
член международной
ассоциации искусствоведов

ВАЛЕРЬЯН ТУРЕЦКИЙ

Несколько десятков этюдов, написанных в 1939–1941 годах, — вот все, что осталось от наследия московского художника Валерьяна Турецкого. Осев в частных коллекциях или, в лучшем случае, в провинциальных музеях, его творчество практически незримо. Но, к счастью, количественные величины не являются в искусстве вообще и в искусстве живописи в частности определяющими. В этой закономерности можно было неоднократно убедиться на некоторых чрезмерно обширных персональных выставках самых разных авторов советской эпохи.

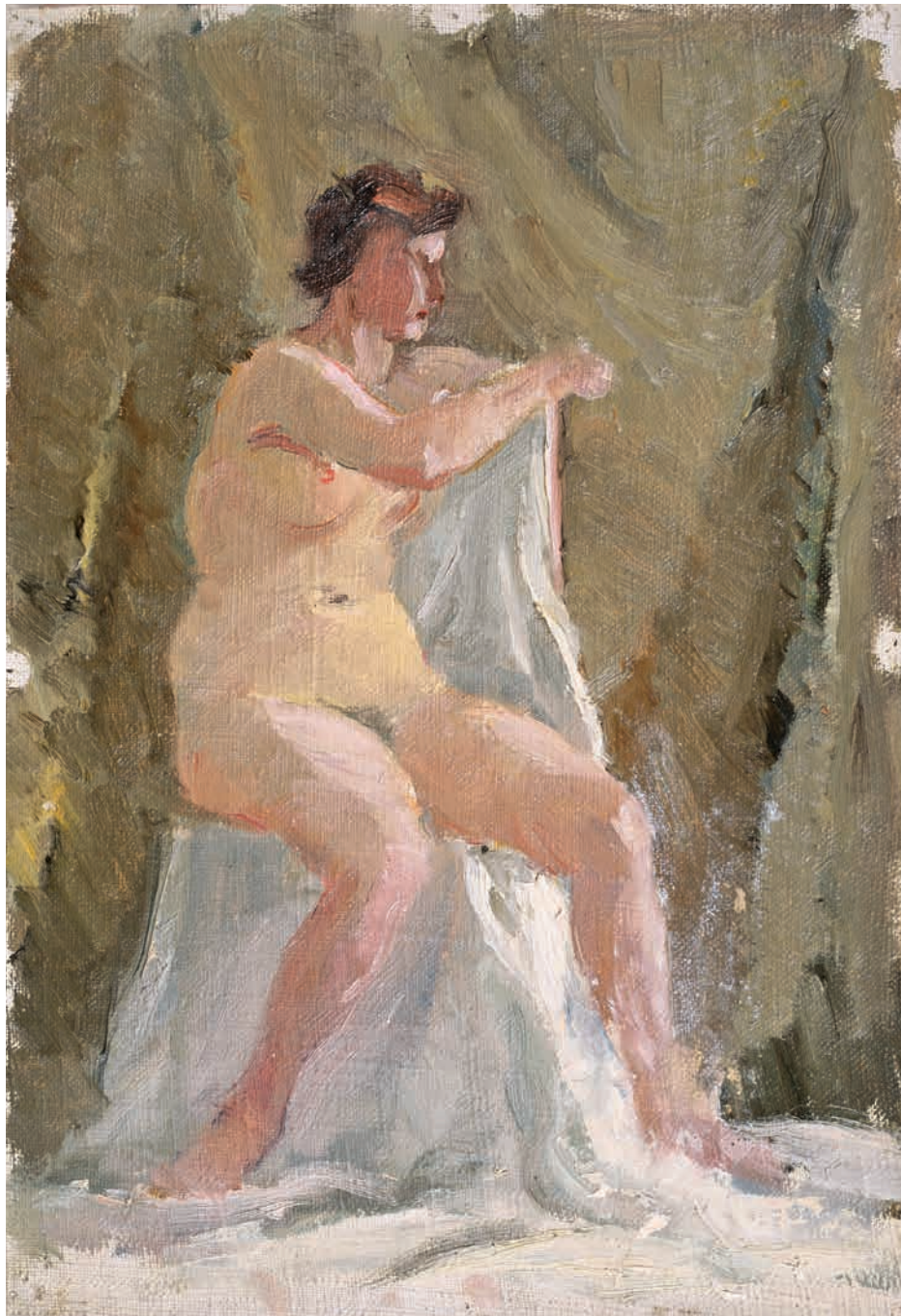
В опубликованной в журнале «Творчество» за 1941 год рецензии на выставку «Молодые художники РСФСР» известный советский критик Осип Бескин высказал одну из самых главных претензий, предъявлявшихся в эти годы к пейзажному жанру: «В целом по отношению к пейзажу надо отметить, что выставка эта, демонстрируя ряд очень хороших этюдных работ, полных непосредственного ощущения природы, вместе с тем разделяет судьбу почти всех выставок последнего времени: огромным потоком идут пейзажные этюды и почти отсутствуют пейзажные работы, в которых художник

ЭТЮД «УТРО»
20,5x31 х.м. 1940 г.

СТРОИТЕЛЬСТВО НА ВОЛГЕ
25x31,5 х.м. 1940 г.

МОДЕЛЬ
23x33,5 х.м. 1940 г.

поставил бы себе какую-то обобщающую задачу. Ведь совершенно ясно, что не только сюжетная картина может выражать тенденции и устремленность своего времени, выражать чувства художника-современника. Это может и должен делать пейзаж. (Далее Бескин вспоминает «Владимирку» и «Над вечным покоем» Левитана, а в заключение своих размышлений называет лишь одну работу, автор которой поставил для себя некую обобщающую задачу: это полотно В.Г. Турецкого «Вечер». – *Ред.*). Художник этот (продолжает критик) за последнее время проявил большие успехи и именно в направлении пейзажа-картины. Но отмечая это достоинство работы художника, вместе с тем нельзя не посетовать, что его пейзаж романтичен как-то не по-современному».

К сожалению, эти слова практически единственное свидетельство критики, на что мы сегодня можем опереться, чтобы представить себе художественную атмосферу тех далеких предвоенных лет. Даже такое светлое и высокое понятие, как «романтизм», казалось тогда чем-то подозрительным, не имеющим отношения к идеологически выверенному искусству официально признанного метода социалистического реализма.

Между тем те немногие пейзажные этюды и портреты Турецкого, которые уцелели в хаосе военного и послевоенного времени, свидетельствуют не только о специфическом даре пейзажиста и портретиста-лирика. Мощный экспрессивный эскиз к картине «Буря на Волге» (1940–1941), а также пронизанные теплым солнечным светом два этюда того же времени с идущими по полю группами крестьян в разноцветных одеждах – это не только романтические видения сравнительно молодого художника. В них явно проступает эпическое начало, способное стать основой для создания столь желанных тогдашней критике монументальных картин-пейзажей. И вряд ли Турецкий с его тончайшим даром колористического восприятия

ПОРТРЕТ МАТЕРИ
45x35 х.м. 1939 г.

ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ
45x35 х.м. 1939 г.

ПОРТРЕТ СТАРИКА
50x40 х.м. 1940 г.

ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА
60x50 х.м. 1940 г.

КРАСНЫЙ ПЛАТОК
21x31 х.м. 1940 г.

мира (развитого и усовершенствованного в недолгие годы учебы у такого мастера «саратовской школы», как П.А. Уткин) стал бы приспособливаться к «политической трескотне» и дежурному конформизму некоторых коллег. «Талант есть в том, чтоб не предать талант». Поэтому, судя даже по той количественной малости живописных работ, мы можем сегодня совершенно смело утверждать, что внутренние творческие устои личности мастера, так навсегда и оставшегося молодым, были не поколеблены.

Скромные по размерам «тихие» этюды — волжские, подмосковные, крымские и т.д. Взгляд художника сосредоточен на трудно уловимой игре цвета и света. Словами трудно передать, каким красочным сочетаниям Турецкий отдает предпочтение и находит ли он необходимые краски в самой природе или подключает к этому поиску свои сокровенные чувства и воспоминания. Можно сколько угодно твердить о той или иной городской и национальной школе, о влиянии непосредственных учителей или музейном влиянии мирового искусства, а равно и порой очень заметном влиянии сообщества друзей и коллег по общему живописному цеху. Так или иначе, ключ к пониманию художника дает только его собственная личность. Способность Турецкого остаться один на один, казалось бы, с ничем не примечательным «серым» зимним или осенним мотивом, способность раствориться в атмосфере жаркого летнего полдня или в ветровых вихрях волжской стихии — это все абсолютно неповторимо в каждом отдельном человеке. В этом и заключается счастье художника, способного воспринимать драгоценность каждого мгновения жизни. «Колорит равен любви», — говорил великий русский художник В.И. Суриков.

Не менее проникновенен и внимателен Турецкий в автопортретах и портретах близких людей и знакомых. Стремясь к психологически точному изображению, он,

РЫБАЦКАЯ ЛОДКА
18x31 х.м. 1940 г.

ЖЕНЩИНА В КРАСНОМ
59x49 х.м. 1940 г.

начиная с себя, не льстит человеку, не приукрашивает образ. Будь то быстрый графический рисунок или более основательный живописный этюд, всюду на нас смотрит волевой темпераментный человек, умеющий профессионально распорядиться широким спектром пластических средств. Убеждает сам темп нанесения красочных мазков, которые совпадают с восприятием характера конкретного человека, его возраста и соприкосновения с окружающей средой. В пленерном «Портрете мальчика» (1940) Турецкий пишет не только лицо, обнаженные руки и одежду, но еще и собственно солнечный свет и воздух. Он почти импрессионистичен, как, впрочем, и в «Портрете старика» того же времени. Незаконченность этих портретов не мешает нам, зрителям, оценить точность и остроту взгляда художника, который, как можно предположить, ничего не знал о модной теории неоконченности («нонфинито»), но ценил свежесть восприятия, не допускающего сухой натуралистичности. В «Портрете матери» и «Портрете дочери» (оба 1939) художник строг и сдержан. В них он чуть ли не минималист, но это же обстоятельство позволяет ему проявить особую тонкость отношения не к просто случайно встреченным людям, а к самым близким и дорогим его сердцу.

Очевидное преобладание пейзажных этюдов и отсутствие масштабных полотен и любых иных произведений — это та данность, с которой мы вынуждены считаться. Валерьян Турецкий ушел на фронт добровольцем в самом начале Великой Отечественной войны и погиб в боях под Вязьмой на подступах к Смоленску. Он мог бы вместе со своими сверстниками и старшими товарищами отправиться в эвакуацию и писать пейзажи Средней Азии, Урала или Сибири. Но, увы, случилось то, что случилось, и нам остается только предполагать, какой могла бы быть его проникновенная живопись за пределами камерных этюдов.

ПЕРЕЕЗД
24x34 х.м. 1940 г.

ЭТЮД ГОЛОВЫ
50x40 х.м. 1937 г.

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ В ПРОФИЛЬ
49x40 х.м. 1940 г.

ЭКИЗ К АВТОПОРТРЕТУ
23x33 х.м. 1940 г.

Е.И. Воднос,
искусствовед,
член Союза художников России,
сотрудник художественного
музея им. А.Н. Радищева

ТУРЕЦКИЙ ВАЛЕРЬЯН ГРИГОРЬЕВИЧ

Талантливый живописец Валерьян Григорьевич Турецкий (1909–1942) принадлежал к поколению художников, формирование которых выпало на годы, когда тоталитарная система в стране настойчиво пыталась полностью подчинить себе все стороны духовной жизни народа, взять под неусыпный контроль творческие замыслы мастеров всех видов искусства, направляя их работу в русло чисто пропагандистских задач. Это пора неуклонного становления пресловутого метода социалистического реализма, стилистические признаки которого ко второй половине 1930-х годов уже вполне обозначились. Естественно, что живое искусство, сопротивляясь все усиливающемуся нажиму, пыталось сохранить свои прирожденные особенности и цели.

В сфере искусства изобразительного такие возможности предоставлял, прежде всего, лирический пейзаж — жанр, меньше всего подверженный навязываемой политизации. Предпочтение пейзажа для многих молодых мастеров этого времени было отчасти вынужденным как способ легального отказа от сюжетов откровенно конформистских и сохранения усвоенной колористической культуры. В этом смысле творчество

УТРО
20,5x30,5 к.м. 1940 г.

выпускников Саратовского художественного техникума конца 1920-х годов было особенно показательным.

Валерьян Турецкий поступил туда в 1925 году в пору расставания с исканиями местного авангарда рубежа 1910–1920-х годов и решительного поворота к саратовской живописной традиции, у истоков которой стоял В.Э. Борисов-Мусатов, ее влияние было в разной степени ощутимо почти у всех саратовских наставников Турецкого. В наибольшей мере у П.С. Уткина, а через него у младших коллег — А.А. Сапожникова, Ф.В. Белоусова, Е.В. Егорова, но менее всего у одного из лидеров саратовского авангарда В.М. Юстицкого.

Генетической близости ни к одному из своих учителей персонально в сохранившихся работах Турецкого обнаружить, пожалуй, нельзя. Ведомый более всего своим талантом, он учился главным образом у природы. И справедливо говорят о незаёмности его творческой поэтики. Но в некоторых его этюдах рубежа 1930–1940-х годов ощутима особая тонкость колорита, восходящая к общим признакам живописцев мусатовской плеяды.

Еще в студенческие годы он трижды участвовал в местных молодежных выставках: однажды в 1927 году и дважды в 1929-м. На первой выставке ОМАХРР (Объединение молодежи Ассоциации художников революционной России) осенью 1929 года он экспонировал портрет, пейзаж, картину «Мещанка» и два карандашные рисунка: «Ночь» и «Фокстрот». Видимо, диапазон его творческих возможностей не ограничивался исключительно пейзажем, который явно доминировал в его живописи более поздней поры.

К моменту завершения учебы в техникуме там обозначились существенные перемены, ведущие к развалу нормальной работы, к «исходу» наиболее образованных и талантливых педагогов, пытавшихся противостоять

КУПАНИЕ КОНЕЙ
23х34 к.м. 1940 г.

административному нажиму партийных демагогов, проводивших линию тотальной политизации учебного процесса, подчиняя его конъюнктурным задачам текущего момента. Протестующих педагогов поддержали и некоторые ученики, в числе которых был Турецкий. Как и ряд его товарищей, он переехал в Москву, где, отличаясь серьезной профессиональной подготовкой, они оказались более востребованными. Его творчество 1930-х продолжалось именно там. Стиль образного мышления художника формировался как раз в эти нелегкие годы.

Доступное нам сегодня творческое наследие мастера не позволяет с достаточной определенностью судить о его достижениях. Его портреты и автопортреты, убедительные по сходству и характеристике, своим выраженным психологизмом заметно отличаются от случайных портретных набросков, передающих скорее тонко уловленное состояние модели. Задача их иная: острое чувство типажа в значительной мере компенсирует в них отсутствие более пристального постижения внутреннего мира изображенных персонажей.

Подмосковные и волжские пейзажные этюды с их разнообразием мотивов и интонаций отмечены эмоциональной раскованностью, смелостью восприятия, стремительностью воссоздания увиденного на плоскости холста, экспрессией самой манеры письма («Весенний гомон», «Переезд», «Осенний Бурелом», «Купание коней», «Утро»). В других же этюдах, более «успокоенных» и пространственно «распахнутых», построенных на тонких тонально-цветовых отношениях, ощутима некая самостоятельность и явно читается выраженный картинный прицел. И при этом никакой сюжетности в самом их замысле: «В Крыму. Судак», «Жигули», «Домик в лесу», «Последний снег», «Зимка. Околица», «Прорубь», «Облака», «Волга. Район Жигулей», «Зимний день», «Пасмурно», «На опушке».

БЕЗ НАЗВАНИЯ
20x23 х.м. 1940 г.

Схвачен в них не столько единичный миг, сколько характерное состояние. Показательно, что Турецкий предпочитает «очеловеченный» пейзаж: встречаются фигурки людей, пасущихся лошадей, причаленные к берегу или плывущие лодки, домишки, ограды, тропинки, рельсовый путь, волжские малые пристани, но выраженного сюжетно-повествовательного начала и требуемой эпохой героизации в них нет.

Не было их, судя по старым фотоснимкам, и в масштабных пейзажных полотнах, с которыми художник участвовал на выставках в последние предвоенные годы. Они не кажутся специально сочиненными тематическими картинами, бравурно прославляющими победные шаги торжествующего социализма. В них не чувствуется та «агитация за счастье», которая предписывалась отечественному художеству той поры. Художник исходит не от заданных схем, а от своих реальных наблюдений. В них ощутима осязаемая точность передачи того ритма, которым проникнута каждая из этих пейзажно-жанровых композиций. Они вовсе не кажутся специально сочиненными, ибо отмечены реальной содержательностью пейзажного образа, таящейся за видимой обыденностью мотива. Но именно за отсутствие демонстративной героизации и упрекали тогда художника.

Не было ничего патетического и в замысле задуманной картины на тему колхозного села, если судить по сохранившемуся эскизу с мотивом уборочной страды. Зато настоящая патетика (правда, не сугубо советская, а просто человеческая) в эскизе драматической композиции «Буря на Волге». Броско-экспрессивное изображение разбушевавшейся стихии написано смело и стремительно, как бы в едином порыве вдохновения. Несколько романтизированный мотив схвачен очень цельно и передан мастерски.

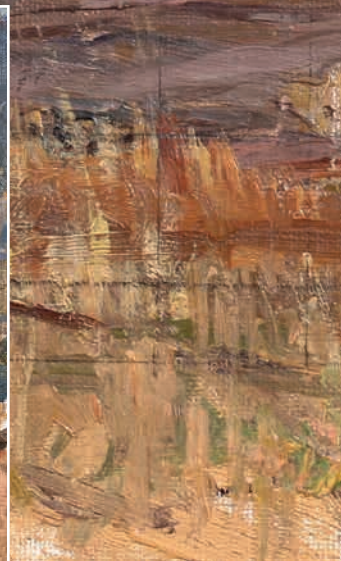

ВЕСЕННИЙ ГОМОН
31x24.5 к.м. 1940 г.

Мы все в неоплатном долгу перед погибшими воинами той страшной войны. За победными торжествами забываем о том, что мы должны разыскивать и воскрешать их творческое наследие. Хочется верить, что лирический пленер предвоенных пейзажных этюдов Валерьяна Турецкого — это не все, что сохранилось из его произведений середины 1920-х — начала 1940-х годов. История знает случаи, когда неожиданно всплывают, казалось бы, навсегда утраченные реликвии. Продолжая отыскивать и собирать рассеянное наследие, мы с большим основанием могли бы сказать: «Никто не забыт и ничто не забыто...»

Саратов, 2013

ЭСКИЗ К КАРТИНЕ
19x31 к.м. 1941 г.

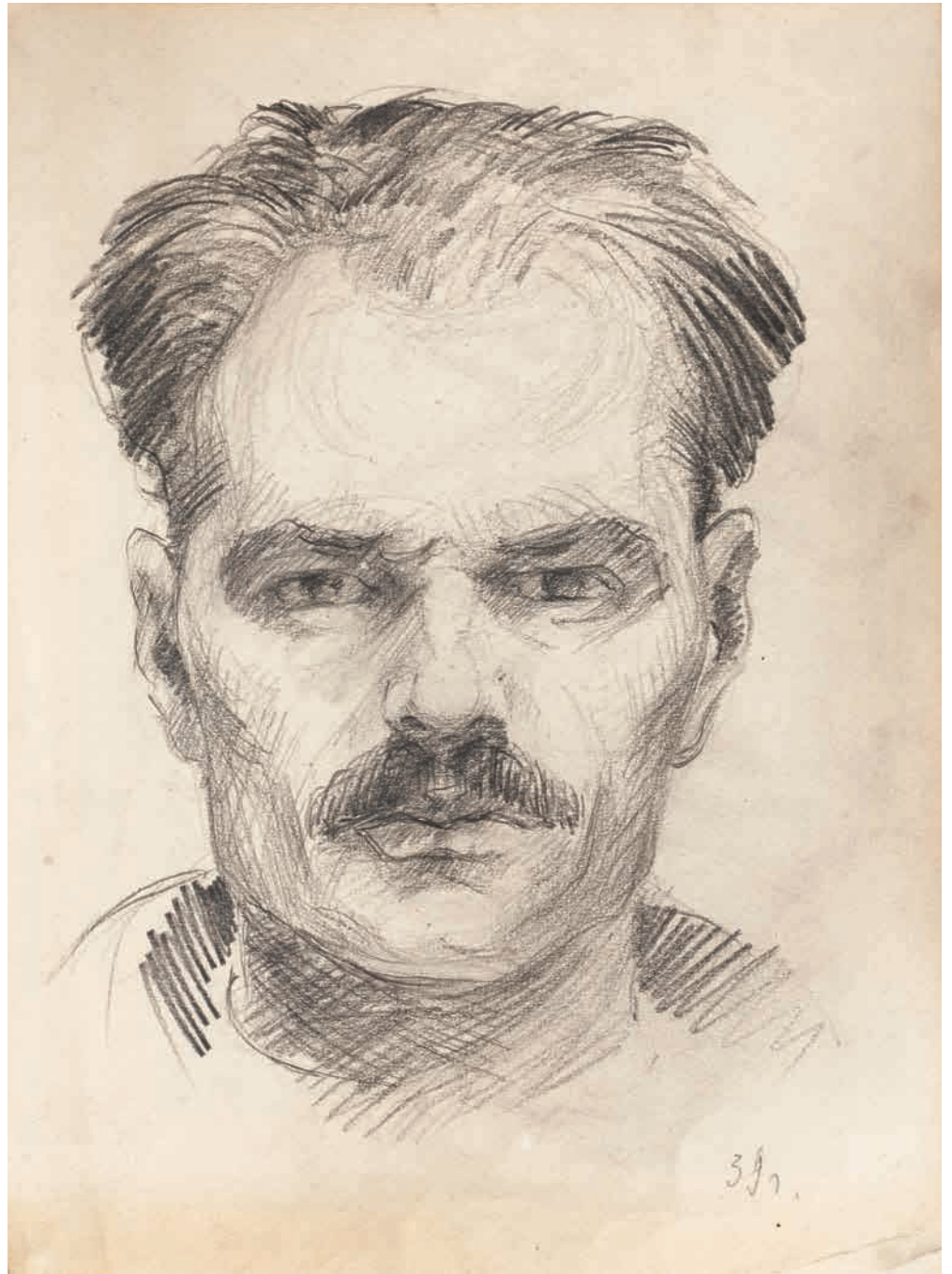

ЖИГУЛИ. СВЕТОФОР
23x35 х.м. 1941 г.

ЭСКИЗ. ПОСЛЕДНЯЯ РАБОТА ХУДОЖНИКА
39x49, бумага, гуашь. 1941 г.

АВТОПОРТРЕТ
28x20, рисунок.
1939 г.

В. Турецкий.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

Турецкий В. 1926–1927 гг.

- 1909 г.** 10 августа (13 ноября) в г. Грязи Воронежской области родился Валерьян Григорьевич Турецкий. Отец – Григорий Игнатович Турецкий – железнодорожный служащий. Мать – Надежда Ильинична, урожденная Подрезова – домашняя хозяйка. В семье было двое сыновей, отец был младшим.
- 1924 г.** В. Турецкий задумал учиться рисунку и живописи профессионально. Поддержки в семье не нашел.
- 1925 г.** В. Турецкий едет в Саратов и поступает в Боголюбовское училище. Главным учителем для него становится Петр Уткин.
- 1926 г.** Активно занимается и много пишет с натуры.
- 1927 г.** 5-я юбилейная выставка Саратовской школы живописи. Работы В. Турецкого – два этюда и три наброска (карандаш). Продолжает заниматься в училище.

Родители
Турецкого

Подлеснова Е. П. автопортр. под. холста.	Сергеенко Т. Н. 91 Автопортрет. 92 Портрет. 93 Утро (холст). 94 На Волге.
Патапов А. иты. линог. в эскизах. под.	Смирнов П. И. 95 Зимний день. 96 Эскиз.) 97 Гора (пастель. 98 Сал.)
Повков В. под. мед. кар. хол.	Славский А. 99 Волга. 100 - 101 Эскиз. 102 - 103 - 104 -
Переделкин П. под. стекло. малая. хол.	Сидорин Н. С. 105 Эскиз. 106 Автопортрет. 107 Индустриал. 108 - 109 Рыбушка) 110 -) сатира. 111 -)
Рейнке В. Ф. линог. про на Волге. трый день. под.	Тросянов. 112 Эскиз.
Рыжов И. И. под.	Турецкий В. 113 Эскиз. 114 - 115 (Нарисован) 116 -) карандаш. 117 -)
Соболевская А. автопортр. иты. под. под.	Фуфыгин. 118 Эскиз. 119 -
Садовников П. под. улан. иты. под.	

Саратовский художественно-промышленный техникум.
Мастерская П.С. Уткина (последний курс). Преподаватели и учащиеся. Саратов, 1930 г.

Турецкий В.
Москва, 1930

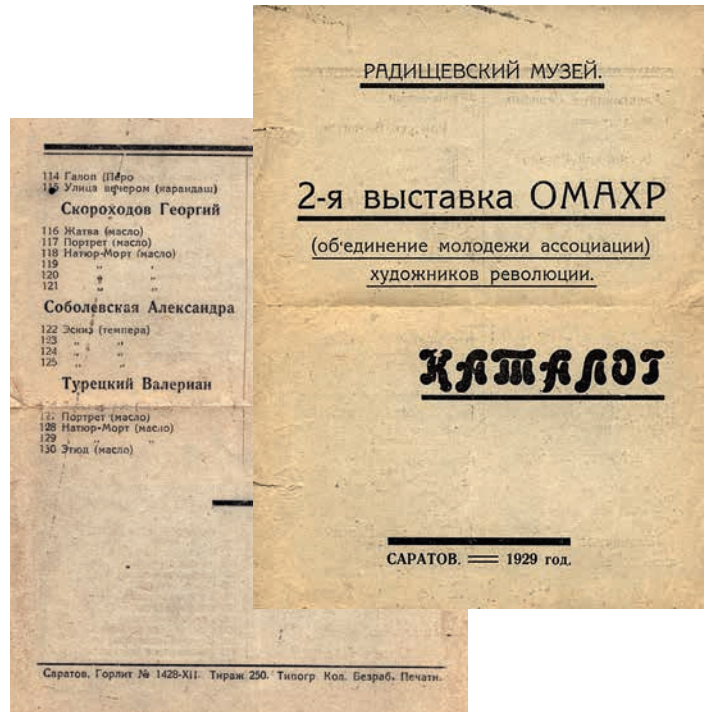
Уткин П.С. со своими учениками.
Турецкий В. – в первом ряду, справа
Саратов, 1928–1929 гг.

Турецкий В. в армии.
1932 г.

Турецкий В. – во втором ряду, в центре.
Саратов, 1930 г.

Турецкий В. – в первом ряду, справа.
Саратов, 1928 г.

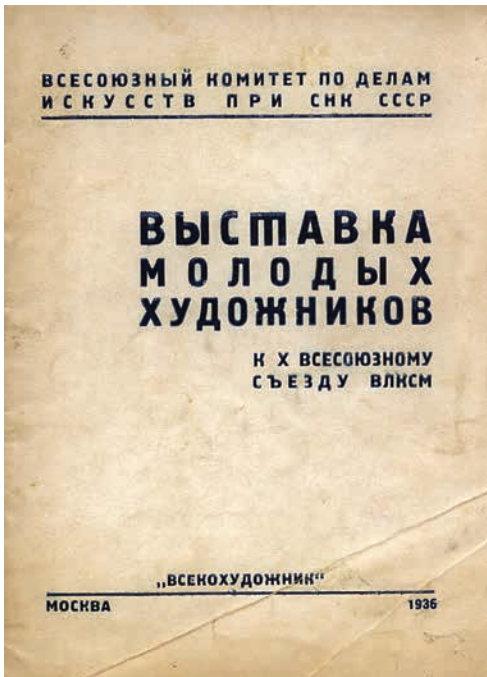
- 1929 г.** Первая выставка ОМАХР (Объединение молодежи Ассоциации художников революции), Саратов. Вторая ОМАХР, Саратов. Радищевский музей. Работы В. Турецкого – два портрета (масло), два натюрморта (масло), этюд (масло). Продолжает заниматься в училище.
- 1930 г.** Не получив аттестата об окончании училища, В. Турецкий уезжает в Москву и ищет работу. Становится помощником В.А. Ореховой, оформлявшей парады и праздники, которых в Москве тогда было множество.

Турецкий В. в армии. 1932 г.

Орехова В. приехала
в армию к мужу. 1932 г.

1930/31 декабря женится на В.А. Ореховой.

Много занимается живописью.

1932 г. Уходит на год в армию. Вернувшись из армии, В. Турецкий продолжает много писать и занимается оформительской деятельностью.

1934 г. Родилась дочь Марина. В. Турецкий переезжает писать на Волгу, открывает для себя Жигули.

1936 г. Выставка молодых художников к X Всесоюзному съезду ВЛКСМ, Кузнецкий мост, 11. Выставка-смотр произведений молодых художников. Работы – «Голова колхозника», «Река Москва». «Всекохудожник». Москва.

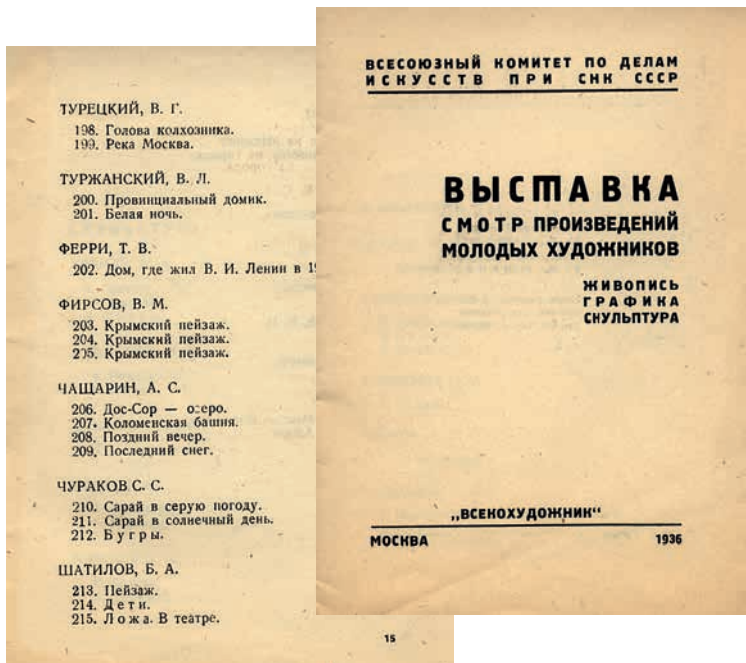
Турецкий В. После возвращения из армии. 1932–1933 гг.

Турецкий В. с дочерью Мариной. Судак, 1939 г.

Турецкий В. 1936–1937 гг.

КОПИН, И. С.
 7. Дорожка в Масагару.
 8. Перед вечером. Ялта.
 ПЕТУХОВ, П. Д.
 9. Цветы.
 10. Цветы.
 ПИНЕГИН, В. И.
 11. Осень.
 12. На мельницах.
 13. В горах.
 ПОДРЕЗОВ, Г. Г.
 14. Осень на Волге.
 РУБИНШТЕЙН, Д. И.
 15. Концерт в Большом зале консерватории.
 ТУРЕЦКИЙ, В. Г.
 16. Вечер на Волге.
 ФИЛИППОВ, В. А.
 17. Париж.
 18. Аист полетел.
 19. Нахмурилась осень.

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ
 МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ХУДОЖНИКОВ

СЕДЬМАЯ
 ВЫСТАВКА
 СОЮЗА МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Государственное издательство
 «ИСКУССТВО»
 Москва 1940 Ленинград

1938 г. Персональная выставка. Москва. Клуб художников на Масловке. После выставки получил на Масловке мастерскую.

1939 г. Всесоюзная выставка молодых художников, посвященная 20-летию ВЛКСМ. Место проведения: ГТГ, Лаврушенский пер., 12. Работа в 1938 г. – «В лугах». х.м. Летом В. Турецкий на короткое время приезжает в Крым, где находились его родные. Делает несколько этюдов, затем возвращается на любимую Волгу.

В мастерской на Масловке.
 Турецкий В. пишет модель.
 1940–1941 гг.

- 1940 г.** 7-я выставка Союза московских художников, февраль месяц, Кузнецкий мост, 11.
Работа – «Вечер на Волге».
Выставка художников Москвы и Ленинграда, Львов.
- 1941 г.** Выставка «Молодые художники РСФСР».
Москва, Кузнецкий мост, 11. Февраль месяц.
Работа – «Вечер», х.м., занял первое место, получил значок.
Летом 1941 г. писал на Волге, в Жигулях. После объявления войны срочно вернулся в Москву.
14 августа проводил в эвакуацию жену и дочь с няней.
В октябре уходит добровольцем на фронт.
- 1942 г.** 13 апреля погиб под Смоленском.
-
- 1975 г.** Состоялась художественная выставка к 30-летию Великой Победы, в залах Московского Союза художников.
Беговая ул., дом 7-9.

МАРИНА ТУРЕЦКАЯ

В. Турецкий.

КАЖДЫЙ
ЧЕЛОВЕК
НЕПОВТОРИМ

Эта книга о незаурядном художнике, чья творческая жизнь трагически оборвалась в неполных тридцать два года. Он ушел добровольцем на фронт в Великую Отечественную войну и погиб в 1942 году. Но остались его работы, осталась память: ведь каждый человек неповторим.

УДК 73/76
ББК 85.153

ISBN 978-5-91187-179-6

Марина ТУРЕЦКАЯ благодарит:

БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ТЕРЕБИЛЕНКО,
без которого эта книжка не могла бы состояться
А.А. ПАУТОВА за помощь в подготовке текста
Ю.Н. ЛУКИНА — за фотосъемку
Т.В. ПЕРЕХОДЦЕВУ, Е.А. КОМАРОВУ,
О.И. ИГНАТОВУ за помощь в создании книги

Редактор А.Г. Николаевская
Технолог М.С. Кырбаш
Оператор компьютерной верстки и переплета Л.Г. Иванова
Корректор В.К. Матвеева

Подписано в печать 09.08.2013
Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Бослен»
105082, Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10
Тел.: (495) 971-89-09, e-mail: info@boslen.ru
Информация в Интернете: www.boslen.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-91187-179-6

9 785911 871796